

Метленков Н.Ф.

МАКРО-АРХИТЕКТУРА

Метленков Н.Ф.

МАКРО-АРХИТЕКТУРА

N.F. Metlenkov

MACRO-ARCHITECTURE

УДК: 72.624

Традиция различать и противопоставлять две основные области материального мира – «макромир» (макрокосмос) и «микромир» (микрокосмос) восходит в философии к временам древнейших натурфилософских концепций. Нечто похожее на такое раздвоение можно обнаружить и в архитектурной практике: Микроархитектура – это пространство конкретных краткосрочных действий, тактики архитектурной практики; а Макроархитектура – это пространство картин мира, мировоззрений, долгосрочных стратегий архитектурной практики. Сегодня Макроархитектура со своими средствами все активнее вторгается в пространство актуальной архитектурной проблематики и требует специального внимания. В статье представлены некоторые макро-закономерности ко-эволюции общекультурных парадигм, направленно ориентирующих и науку, и архитектурную практику.

В статье раскрываются макроуровневые парадигмальные закономерности развития архитектурной практики.

Ключевые слова: микроархитектура, макро-архитектура, парадигмальные макро-закономерности, ко-эволюция, архитектурная практика.

In article macro level paradigmatic patterns of architectural practice are being revealed.

Key words: microarchitecture, macro-architecture, paradigmatic patterns, co-evolution, architectural practice.

Настоящее время – это время возрастающей критики в адрес естественнонаучной картины мира и естественнонаучного мировоззрения [1]. Причина и суть этой критики в том, что в пространстве естественнонаучного мировоззрения практически не находится достойного места человеку и в целом антропологической проблематике. Человек здесь предстает лишь одним из рядовых элементов Природы, против чего он неизменно бунтует. Вследствие нарастающего такого бунта, стал заметно увеличиваться и объем внимания к антропологической картине мира [2]. При этом в первую очередь, стала видоизменяться генеративная модель взаимоотношения человека с миром. При естественнонаучной картине мира генеративной моделью рассматривались «субъект-объектные» отношения (S-O) – [3]. Хотя в рамках «субъект-объектной» модели, далеко не все социальные явления находят себе адекватное социальное объяснение, например природа креативных результатов, которая усматривается в действии не внутренних, а внешних объектных факторов. В рамках

антропологической картины на роль генеративной модели все более начинают претендовать «субъектные» (меж-субъектные) отношения. Хотя в рамках «субъектной» модели, также как и в рамках «субъект-объектной» модели, природа креативных результатов усматривается тоже в действии по большей мере внешних, а не внутренних факторов.

В связи с этим, в рамках антропологической картины на роль генеративной модели взаимоотношения человека с миром предлагается суть и главное звено всей социальной практики в любых ее проявлениях – «деятельностно-продуктивные» отношения (Д-П). Только с позиций доминирующих деятельностно-продуктивных отношений можно увидеть зависимость креативно действующего человека не столько от внешних факторов, сколько от его самого. Деятельностно-продуктивный подход базируется на рефлексии деятельностно-продуктивного содержания и моделировании направлений его развития от «микро» до «макро» уровней. Приложение метода фрактальной прогрессии к деятельностно-продуктивной единице позволяет увидеть в истоках всего социального, и инновационности в том числе, деятельностно-продуктивное саморазвитие: и в каждом сиюминутном творческом акте, и в творческих направлениях, и в социокультурных стадиях, и в цивилизационных эпохах.

На основании предлагаемого деятельностно-продуктивного подхода можно моделировать и динамику архитектуры, как на «микро», так и на «макро» ее уровнях. Так в соответствии с деятельностно-про-

дуктивной моделью, развитие архитектуры на макроуровне, в частности на парадигмальном уровне [4], можно представить как периодическую смену трех эпох, методологически соответствующих одной из трех составляющих деятельностно-продуктивного ядра, эпох становления и человеческой цивилизации, и всех ее базовых средств, обусловленных, прежде всего, тремя ведущими способами производства – «ремесленным», «индустриальным» (машинным) и «постиндустриальным» (цифровым):

1) период «ремесленного» производства – это эпоха «ремесленной цивилизации» с ее доминирующими объектно-структурными отношениями, которую презентует «структурная», а в архитектуре – «тектоническая», парадигма;

2) период «машинного» производства – это эпоха «индустриальной цивилизации» с ее доминирующими технологическими отношениями, ее презентует «процессуальная» парадигма естественно-научного типа, а в архитектуре – «функциональная» парадигма;

3) период современного «постиндустриального» (цифрового) производства – это эпоха «постиндустриальной цивилизации» с ее доминирующими гуманитарными отношениями, которую презентует парадигма «развития», а точнее – парадигма «саморазвития».

Исходя из такого парадигмального подхода, и вся история, в том числе и история архитектуры, включая и современность, выглядят не столько интересными, но не всегда объяснимыми в своем происхождении фактами, сколько строго логическими следствиями, вытекающими из определенных технических возможностей какого-либо временного периода и соответствующего парадигмального менталитета эпохи. Это наглядно просматривается по таким трем основополагающим параметрам культуры как «доминантное отношение», «научная методология» и «профессиональный метод».

Структурная парадигма презентует доминантное видение мира через призму, прежде всего, «продуктных» отношений (из деятельностно-продуктивной модели), как физического, «объектного», образования, и прежде всего, с точки зрения его «устройства». Структурная парадигма начинает складываться с самых первых шагов становления человеческой цивилизации, хотя наибольшую активность процесс этот приобретает в период: 1) возникновения одного из первых способов общественного производства – «ремесленного»; 2) формирования классового общества; 3) возникновения первого разделения труда и различных профессиональных сфер (в том числе и архитектуры как профессии). Структурная парадигма взаимообуславливает и, следовательно, объясняет такие основополагающие характеристики социального пространства ремесленной цивилизации, которые определяют не только особенности культуры, но и базовые детали профессиональной архитектурной деятельности: «структурно-объектная культура», «структурная методология», «структурный метод».

Структурно-объектная культура становится следствием стремления к удовлетворению одной из основных потребностей человека в этот период – потребности в надежной физической защищенности пространства своего бытия и культивирования такой ценности как «материальные объекты», и прежде всего, в аспекте их строения, что и обеспечивало эту необходимую физическую, технически надежную, защищенность социального пространства. Не случайно, материальные объекты в этот период ценились намного выше их творцов. О последних часто тут же забывали, как только они заканчивали создание своих объектов. По этой причине, в этот ремесленный период творчество вообще, и архитектурное в частности, было, как правило, анонимным.

Структурная методология ориентирует на постановку и решение, главным образом, структурной проблематики – проблематики «устройства» («строения») изучаемых или создаваемых объектов. В большинстве случаев, объекты исследуются и представляются, прежде всего, как неким образом устроенные. Даже государство у Платона было представлено как идеальным образом устроенное образование. Соответственно, и в архитектуре актуальной становится проблема поиска такого устройства (строения) создаваемых объектов, которое бы обеспечивало необходимую техническую надежность и, таким образом, нужную физическую защищенность социального пространства. Поэтому, именно в этот период возникают все основные конструктивные схемы зданий и сооружений: «стеновая», «стоечно-балочная», «арочно-сводчатая», «купольная» и т.д.

Но, через призму устройства (строения) и мир, и общество, и человек, и архитектура, и любой объект предстают, преимущественно, со стороны своей статики, то есть со стороны свойств, мало изменяемых во времени. Поэтому, во всех профессиональных сферах в этот период доминируют статические представления и статические решения: и в технике, и в искусстве, и в архитектуре. Соответственно, в науке, и в философии в частности, возникают, главным образом, модели такого устройства мира, в соответствии с которыми мир сохраняет свою неизменную суть, то есть предстает относительно «статическим», не смотря на уже складывающееся понятие о том, что «все течет, все меняется». Таким объектным, относительно статическим мир представляют так называемые «субстанциональные» и «субстратные» учения о строении «вечного», неизменного в своем строении, мира: «атомизм» («все из атомов» – Левкип, Демокрит); «математизм» («все есть число» – Пифагор) и др.

Структурный метод. В архитектуре (а точнее – «тектонический»), с точки зрения его «зоны охвата», предстает комплексным методом «проектно-строительной» деятельности архитектора. Здесь архитектор ответственен за все проектно-строительное производство в целом. Он в едином непрерывном процессе и проектирует, и строит, нередко, меняя по ходу строительства первоначальный проектный

замысел (Афанасьев К.Н., Николаев И.С.). Греческий историк Геродот, например, еще даже не различает собственно строителей и проектировщиков, называя всех участников строительства и тоннеля для водоснабжения на острове Самос, и мостов для Дария через Босфор, и мостов для Ксеркса через Геллеспонт одним и тем же словом - “архитекторы”.

В рамках тектонического метода используются в качестве проектных моделей - макеты, схемы, рисунки, чертежи и др. В роли проектной деятельности выступает «тектоническое моделирование», а в роли концептуального моделирования предстает «пропорционирование». В качестве концептуальных моделей используются или «технические концепции» в виде конструктивных «образцов» реальных построек, или образцовых конструктивных схем (стоечно-балочная, стеновая, арочно-сводчатая и т.д.); или «художественные концепции» в виде «образцов» соразмерностей конструктивных элементов, или образцов реальных построек, или образцовых схем их «пропорционирования» (простые пропорции, сложные пропорции, пропорции золотого сечения и др.) или образцовых схем их «модулирования» - простой модуль, сложный модуль, ордер и др.).

Функциональная парадигма презентует доминантное видение мира через призму «деятельностных» (процессуальных) отношений (из деятельностно-продуктивной модели), как некоего «процессуального» образования, «функционирующего» механизма. Функциональная парадигма начинают складываться с периода промышленной революции, возникновения капиталистических отношений и второго способа общественного производства – «промышленного» (в Европе - с XV-XVII вв.) в виде машинных технологий и машинного труда, где человек предстает лишь одним из элементов этого процесса, чаще всего в роли функционера-исполнителя. Функциональная (процессуальная) парадигма взаимообуславливает и, следовательно, объясняет такие основополагающие характеристики социального пространства «индустриальной цивилизации», которые определяют не только особенности культуры, но и базовые элементы профессиональной архитектурной деятельности: «процессуальную культуру», «функциональную методологию», «функциональный метод».

Процессуальная культура становится следствием главной устремленности – устремленности на удовлетворение одной из базовых ведущих потребностей человека (в свете многообещающих возможностей машинного производства) – «материального благополучия», а соответственно и - следствием культивирования такой ценности как «технологии» (процессы), которые через свои результаты обнадеживали человека в его стремлении к удовлетворению ведущей потребности.

Исходя из этого, мир, предстал перед человеком неким процессуальным образованием, своеобразным «механизмом», взаимодействие частей которого осуществляется по определенным законам, главные из

которых – это законы механики (Ньютон И.). Но, не только мир предстал неким «механизмом», но и общество также стало представляться человеку механицистически, процессуально, и главным образом, через процессы материально-экономического взаимодействия его составляющих. В связи с этим, стали возникать и соответствующие социально-экономические учения, исходящие, прежде всего, из материально-экономического взаимодействия членов общества, как главного механизма существования этого общества (Т.Кампанелла, К.Маркс, Т.Мор, Ж.Ж.Руссо и др.).

Процессуальная методология ориентирует на постановку и решение процессуальной (а в архитектуре – «функциональной») проблематики, проблематики эффективности, в частности – проблематики «оптимизации»: проблематика такого взаимодействия составляющих каких-либо процессов, при котором эти процессы дают максимальную эффективность (временную, пространственную, материальную, технологическую, экономическую, эстетическую и др.) при минимальных на то затратах. Именно на этом пути возникают представления о некоем естественном законе “mini-maxi”, в соответствии с которым можно получать максимум эффективности при минимальных затратах (У. Росс-Эшби, К.А. Иванов и др.) [5].

Одним из ведущих направлений и средств пространственного решения процессуальной (функциональной) проблематики становится «формализация», возникшая из представлений о влиянии на эффективность того или иного процесса (содержания) оптимальной «формы» того пространства, в котором этот процесс разворачивается. Вследствие этого, в категориально-понятийном аппарате исследований стали особо актуализироваться категории “форма” и “содержание”. В математике формализация обусловила возникновение целой серии соответствующих теорий (множеств, формализмов - Клайн М. и др.), а в пограничных сферах, в том числе и в архитектуре, - «функционального анализа» (Лаврик Г.И., Люстерник Л.А., Соболев В.И. и др.), без которых сегодня уже немыслима современная наука.

В конечном счете, «оптимизация» социальных процессов, как одна из основных практических задач, обусловила становление рационального отношения к действительности как главного направления и в деятельности, и в познании, что и выразилось в появлении такой ведущей философской доктрины как “рационализм” [6], а в архитектуре и искусстве – «модернизм».

Вследствие этого, в этот период достигает апогея системотворчество, например, в спекулятивной философии (Р.Декарт, Б.Спиноза, Г.Лейбниц, Г.Гегель и др.). В это время, независимо от идеологических направлений, строятся, в основном, процессуальные (субъект-объектные) доктрины, концепции, модели (функционирующего мира, общества, человека). Так, например, материализм пытается все объяснить через взаимодействие физических сил. “Везде и

всюду его приверженцы, - характеризуя материализм, пишет Киссель М.А., - ищут действие физических сил и только их одних и в полном соответствии с этим своим принципом все, что не сводится к физическому взаимодействию, объявляют субъективной кажимостью» [7]. Другие объяснительные концепции исходят из иных форм и видов взаимодействия, но все равно – взаимодействия: технологическое взаимодействие - операционализм - Бриджмен П.; психофизиологическое взаимодействие - сенсуализм - Гольбах П.А., Локк Дж.; экономическое взаимодействие - инструментализм - Дьюи Дж., Миль Дж. и др.

Изучение различных взаимодействий в мире, в обществе, и главное – непосредственное участие в них, обусловили трансформацию и менталитета человека. Мышление изменяется от структурно-объектного, по преимуществу, синкретического (каковым оно было в предыдущий парадигмальный период) к дискретному, «аналитическому». Таковым его обуславливает, с одной стороны, ориентация на решение одной из ведущих проблем науки промышленной эпохи – проблемы механизма функционирования мира, которую представил А.Пуанкаре такими словами: “Нам нужно задать себе вопрос не о том, едина ли природа, но вопрос: каким образом она является единой?” [8]. А с другой стороны, аналитизм мышления обуславливает для решения обозначенной проблемы ведущее средство - диалектический метод, требующий любое целостное явление познавать или представлять, как образованное противоположными своими сторонами. “Объяснить и понять означает ... - замечает Гегель, - показать, что нечто опосредовано неким другим” [9]. Такую форму мышления образно характеризует фраза К.Маркса: “... объяснение, в котором нет указания на *differentia spezifica*, не есть объяснение” [10].

Именно такой диалектический менталитет и смог эксплицировать «субъект-объектную» методологию как ведущую в этот период, как одну из первых методологий противопоставления. Ведь объект-субъектное отношение представляет, по сути, первое проявление теоретического мышления человека, исходящее из противопоставления человека и природы как одной из возможных форм взаимодействия. Даже творчество такое мышление пытается понять и представить, как форму взаимодействия субъектов и объектов.

Закономерно и возникновение ряда новых научных направлений, главным предметом которых выступает движение, взаимодействие, например, эргономика (наука об оптимальных режимах взаимодействия функционирующих систем), экология (наука о рациональном взаимодействии человека и природы) и др. Следствием такой активизации усилий науки на пути понимания активно взаимодействующих сил и использования их возможностей, стало возрождение такой древней науки как химия (наука о процессах взаимодействия в веществах) – Р.Бойль, А.Л. Лавуазье, М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев.

И даже в сложившихся уже научных областях

на роль ведущих начинают претендовать тоже средства, которые наиболее наглядно позволяют представлять различные взаимодействия. В физике резко активизируется механика со специфическим механицистическим аналитическим подходом, претендующим на универсальность и особую методологию познания природы - “естествознание”. Физическая теория, имеющая количественное выражение взаимодействующих сил (чаще всего “активных” и “реактивных”), становится идеалом любых теорий - Степин В.С. [11]. Возникает вера во всемогущество механической картины мира (“демон Лапласа”). В свете этого, наблюдается физикализация различных наук, в том числе и биологических, и социальных. Последние, в связи с этим, обратили свое внимание, в основном, на материализм, который в этот период и получает особенно массовое распространение в мире. В биологии изучение взаимодействующих сил приводит к пониманию особой формы борьбы в живой природе – «естественному отбору» (Дарвин Ч.), и к возникновению такого научного направления как «функциональная морфология». Основной задачей этого направления стало доказательство наличия связей и выявления закономерностей между формой «живого» и его «функциями» (Абрикосов А.И., Северцов А.Н., Сетров М.И. и др.). В рамках биологии складывается психология: первоначально с ассоциативными представлениями о взаимодействии внутренних сил человека и с соответствующими корпускулярными теориями души (Локк Дж., Юм Д. и др.). В соответствии с этими теориями, психика, состоящая из “впечатлений”, образует по законам ассоциаций все сложные душевные состояния человека.

Возникает бихевиоризм (учение о взаимодействии индивидов в процессе поведения), параллельно - гештальтпсихология (учение о средствах взаимодействия индивидов и среды на уровне восприятия). В технике, в процессе раскрытия механизмов движения и взаимодействия, актуализируется кинематика, а в процессе описания взаимодействующих информационных потоков складывается кибернетика (Винер Н., Эшби У.Р. и др.). В искусстве активизируются виды и средства выражения движения и взаимодействия – поэзия, драматургия, кинематограф, балет (Французова Н.П.).

Функциональный метод в архитектуре, с точки зрения границ его влияния, – это «проектный метод», «метод проектирования» – метод второй ведущей исторической профессиональной формы архитектурной деятельности. Проектирование выделяется в самостоятельную сферу архитектурной занятости в связи с промышленной и научно-технической революциями 15-17 веков, в связи с возникновением капиталистической формы общественных отношений и дальнейшей дифференциацией физического и умственного труда.

Функциональный метод, по содержанию своей концептуальной составляющей, представляет собою «функционально-формальное моделирование», в

процессе которого архитектор выявляет концепцию «формы» будущего архитектурного решения.

По сути, функциональный метод представляет собою разновидность оптимизационных методов, а именно, метод создания оптимальных архитектурных решений с помощью таких средств, как архитектурные материалы, конструктивные и планировочные модели. Поиск оптимальных решений осуществляется преимущественно по двум направлениям: по «процессуальному» и по «пространственному».

Поиск оптимального решения по «процессуальному» направлению ведется путем выявления оптимального набора относительно автономных пространственно-функциональных зон и оптимального принципа их взаимосвязи. Такая деятельность представляет собою процесс «функционально-формального моделирования». Такой процесс может быть представлен формулой «Функция-Форма», то есть «Форма следует за функцией» - утверждал Л.Салливен [12]. Концептуальным результатом такого процесса предстает найденный принцип (или схема) оптимальной взаимосвязи «функции» и «формы» будущего архитектурного решения. Такой метод несет в себе черты явно научной, рационалистической, деятельности, где необходимого результата можно достичь только путем планомерного «пошагового» движения к нему: сначала создается концептуальная модель функции пространства средствами «функционального моделирования», а потом на этой основе создается концептуальная модель формы пространства средствами «формального моделирования» (чаще всего – средствами «композиционного моделирования»). То есть предварительно сформулированная функциональная цель, на основе тех или иных теоретических или эмпирических принципов в процессе формообразования обрастает конкретным формальным результатом – «концепцией», а затем и «проектом» формы архитектурного пространства (Бархин М.Г., Гинзбург М.Я. и др.).

Поиск оптимального решения по «пространственному» направлению ведется путем выявления, прежде всего, концепции «формы» пространства каких-либо процессов (в виде образов, компоновок, композиций, стилей), исходя из условий и требований сложившейся среды (Леонидов И., Лисицкий Э., Мельников К.С., Солери П. и др.). А уже на эту основу «накладываются» требования эффективного функционирования объекта. В результате, таким образом, организованного творческого процесса получаются те же две концепции, но в последовательности, обратной функционально-формальному подходу: сначала создается концепция формы, потом - концепция функции. Этот процесс представляет собой, по сути, «формально-функциональную» («формо-функциональную») разновидность функционального метода.

«Форма», таким образом, в период функциональной парадигмы приобретает статус одного из основных средств достижения и функционального комфорта, и эстетической новизны, и совокупной

ценности архитектурных пространств. Форма архитектурных объектов, благодаря своим образно-рекламным возможностям, становится даже одним из индикаторов процветания конкурирующих фирм. В свете этого, форма становится и одной из основных категорий в архитектуре (Виолле ле Дюк, Михайловский И.Б., Рапппорт А.Г., Чернихов Я.Г. и др.), а исследование формальных возможностей становится одним из ведущих направлений и в искусстве, и в архитектурной науке (Лежава И.Г., Майер М., Стирлинг Д. и др.) [13].

Но поскольку, форма и ее конкретное выражение в виде образов, композиций, стилей требует использовать традиционные средства художественной деятельности, то и функциональный метод в архитектуре, вследствие этого, предстает, по сути, методом художественной деятельности. А художественная деятельность по природе своей предполагает, в первую очередь, создание актуальных новационных образных, стилевых или композиционных решений. В связи с этим, в архитектуре «образ» (Татлин В., Чернихов Я. и др.), «стиль» (Гинзбург М.Я., Жолтовский И.В. и др.) и «композиция» (Кринский В.Ф., Степанов А.В. и др.) становятся и предметами, и средствами, и результатами, и ведущими критериями творческих успехов архитекторов. На художественный характер архитектурной деятельности указывают и высокохудожественные сами по себе архитектурные модели, средства создания которых во многом заимствованы из искусства и, вследствие этого, приближающие архитектурные модели к произведениям высокого искусства (Леонидов И., Татлин В., Чернихов Я.Г. и др.). На перцептуальное происхождение моделей архитектурного пространства указывают и фундаментальные архитектурные исследования этого периода (Забельшанский Г.Б., Сомов Г.Ю. и др.). Так, например, К.Э.Лехари показывает, что в архитектурном пространстве «... как в любом художественном пространстве происходит преобразование реального пространства с целью организации его эстетического восприятия» [14].

Таким образом, архитектурная проектная деятельность в период функциональной парадигмы, практически, повсеместно стала пониматься, главным образом, как вид художественного творчества, а происхождение новой концептуальной модели стало объясняться, преимущественно, через перцептуально-эстетическое отношение к действительности.

Парадигма саморазвития презентует доминантное видение мира через призму «переходных процессов» (из деятельностно-продуктивной модели), процессов перехода «деятельности» в ее «продукты», то есть видение мира как «развивающегося», а точнее «саморазвивающегося» образования, причем, прежде всего антропологически детерминированного, где человек сам себе отводит все более активную, явно творческую роль. Парадигма саморазвития начинает складываться в связи с научно-технической революцией (XIX-XX века) и современными социально-демократическими преобразованиями в

обществе, знаменующими собою переход общества к новому у этапу в своем развитии – постиндустриальному - и соответствующему ему новому постиндустриальному способу производства – персонифицированному способу цифрового производства, где ведущими средствами выступают не машинные технологии (как в предыдущую эпоху, в период функциональной парадигмы), а непосредственно человек (их создатель): со своими законами саморазвития как творческая личность, как главная социальная ценность, а, следовательно, со своими индивидуальными способностями реагирования на динамику социальных потребностей и возможностей общества, и со своим индивидуальным методом и бытия, и профессиональной деятельности [15].

Личностная культура как доминантная ценность становится следствием устремленности человека на удовлетворение одной из основных своих потребностей – потребности в «субъектной суверенности»: в относительной независимости и свободе, в свободном самоопределении и саморазвитии.

В соответствии с этой потребностью, ведущей социальной ценностью становится сам человек (как личность, гражданин, творец), как творец своего бытия, а тем самым и бытия общества. В связи с этим, проблема человека перемещается в центр внимания во всех сферах. Начиная с 1958 года ей посвящается ряд международных философских конгрессов (Венеция, Мехико, Вена, Варна, Брайтон, Сеул и др.). На них все активнее утверждается, что от решения проблемы человека зависит не только судьба многих видов деятельности, но и судьба самого человечества. К.Леви-Стросс именно так предельно радикально определил область научной проблематики в 21 веке, заявив, что XXI век будет веком гуманитарных наук, иначе его не будет вовсе [16].

Методология саморазвития ориентирует на постановку и решение гуманитарной проблематики, и в первую очередь, проблематики саморазвития: на поиск таких условий, средств и форм, при которых возможно было бы саморазвитие главной социальной ценности – человека как личности, гражданина, творца. Проблему саморазвития исследуют с разных подходов: это - и историзм (и материалистический или марксистский, и идеалистический - Виндельбанд В., Риккерт Г., Тоинби А. и др.), это – и диалектика, предмет которой вслед за изменяющимся способом общественного производства, тоже изменяется: если в период ремесленного производства это была наука о строении, а в период индустриального производства диалектика становится наукой о взаимосвязях и взаимодействии, наукой о «единстве и борьбе противоположностей», о функционировании явлений, то, начиная с работ Гегеля и по сегодняшний день, диалектика рассматривается преимущественно наукой о развитии и саморазвитии. Это так же и так называемый “генетизм” (особенно синергетика – Пригожин И. и др.), пытающийся все, даже происхождение искусственных вещей, объяснять через их генезис. “Структура любой вещи, как генетического образо-

вания, - по замечанию Ф.М.Землянского, - должна быть объяснена как результат ее закономерного генезиса” [17]. Это и “футурологизм” (и социально-утопический - Вейтлинг В., Грей Дж., Пеккер К. и др.; и научно-прогностический - Араб-Оглы Э.А., Бестужев-Лада И.В., Ростю У. и др.). Характерно, что проблема будущего как фундаментальная проблема здесь возникает впервые. В предшествующем парадигмальном периоде эта проблема не возникала, поскольку концепциями мира были концепции некоего механизма, функционирующего по жестко детерминистским законам, но в принципе неизменного или весьма мало изменяющегося во времени, а значит и неразвивающегося, а потому и без будущего. Поэтому, для предсказания “простых” явлений (движения машин или даже планет) достаточно было средств экстраполяции. Только сложность и динамика современной эпохи по-настоящему начинает ставить проблему закономерных качественных изменений, а, следовательно – проблему будущего. Да и сам термин “футурология”, “философия будущего”, входит в науку лишь в 20-40-х годах XX века, в основном, через работы О.Флехтхейма. В поисках средств видения саморазвивающегося мира и человека в том числе, начинает складываться и новый тип мышления – историческое мышление (включая прогностическое, футуристическое), «историзм» (в противоположность предшествующим, по преимуществу “синкретизму” и “редукционизму”). Например, К.Маркс заявлял: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории...» [18]. В наше время историзм ориентирован на понимание и выявление, в первую очередь, закономерностей развития и саморазвития различных явлений и прежде всего социальных, в том числе и человека как неких саморазвивающихся целостностей (Берталанфи Л., Месарович М., Форрестер Дж. и др.).

В этот парадигмальный период начинают активно проявляться различные формы и способы самоидентификации и самопознания человеком самого себя как относительно суверенной личности от чувственных подходов, особенно интуиции (чувственной интуиции - Кроче Б. и др.; интеллектуальной интуиции - Декарт Р. с его известным принципом “Cogito”, Гуссерль Э. и др.; эмоциональной интуиции - Гильдебрант Д. и др.; интуиции откровения - Барт К. и др.), до рационалистических подходов, особенно “интроспекции”, «рациональной рефлексии» (Вундт В.).

В свете этого, уже не «гносеология» (теория познания любых объектных явлений), а «методология», в частности «методология саморазвития» различных социальных явлений (то есть деятельностных сфер), и в практике, и в науке образует собою одно из ведущих направлений поисков и обоснования фундаментальных основ развивающегося социального бытия и профессиональных методов работы.

Метод саморазвития в архитектуре, с точки зрения границ его влияния, - это метод современной, третьей исторической профессиональной формы ар-

хитектурной деятельности как ведущей - “исследовательско-проектной деятельности”. Последняя только начинает складываться в настоящее время, в связи с современными нано-био-инфо-когнитивными науками и технологиями (NBIC), социально-экономическими преобразованиями, и нормативно еще не оформилась.

Метод саморазвития, по содержанию своей концептуальной составляющей, выражает область «теоретического моделирования» и представляет собою процесс концептуального моделирования будущих состояний преобразуемых «ситуаций» на основе закономерностей саморазвития содержания их «социального пространства».

Использование в настоящее время таких понятий как «ситуация» и «социальное пространство» в качестве основных предметов архитектурного внимания, обусловлено тем фактом, что в последнее время архитектурное пространство как традиционный предмет внимания архитекторов все более начинает пониматься именно как социальное: как несущее собою определенную социальную нагрузку, включая и различные социальные процессы, связи, взаимодействия, смыслы.

А с социальным пространством можно взаимодействовать только с помощью «представлений», а это означает – только на «теоретическом уровне». Перспективность активизации теоретического уровня обусловлена, прежде всего, его познавательно-созидательными возможностями. А они, в силу использования более абстрактных средств, значительно более широкие, чем у эмпирического, который был наиболее распространен в предшествующий индустриальный период развития общества.

Причем, эти более широкие возможности теоретического уровня предстают таковыми из-за того, что пути развития социального пространства невозможны типологизировать “раз и навсегда” и “на все случаи жизни” как это имело место с конструктивными схемами, например, а необходимо каждый раз, в каждом конкретном случае специально выявлять возможное будущее всегда индивидуально развивающегося содержания тех или иных ситуаций как специфических неповторимых социопространственных образований. А это означает, что в методологическом содержании современного метода архитектора все большую роль должны играть особые средства выявления актуальных направлений развития социального пространства – некая специфическая «социопространственная гносеология» и ее, по сути, теоретический метод – «метод концептуализации» путей саморазвития ситуаций. Поэтому, в содержании современной деятельности архитектора наблюдается тенденция к трансформации и его статуса, и его содержания: из “проектной” деятельности (какой она сложилась в период парадигмы «функции») в “исследовательско-проектную”, с изменением соответствия предмета деятельности - с “функции-формы” на “развивающееся социальное пространство”.

Метод саморазвития отличается от предыдущих

двух - структурного и функционального - тем, что требует понимания архитектуры не только и даже не столько как статической сферы, сколько, прежде всего, как динамической сферы деятельности, изменяющейся по определенным закономерностям. Вследствие этого, выявление актуальных направлений развития социального пространства преобразуемых фрагментов архитектурной среды, исходя из их закономерностей саморазвития, и в первую очередь исходя из закономерностей саморазвития себя как представителя этих проектируемых фрагментов, становится ведущим подходом в проектной работе современного архитектора. Архитектор здесь не реализует чей-то идеологизированный эстетический заказ, вследствие чего вынужден идти против собственных ощущений актуальности свойств социального пространства. В этом случае, архитектор эксплицирует лишь свои ощущения и материализует их в пространственных моделях и таким образом развивает свой творческий метод, а через это и - развивает социопространственное содержание преобразуемых ситуаций. То есть, архитектор становится своеобразным исследователем собственных ощущений, становится научным работником особого рода, выявляющим актуальные свойства социального пространства преобразуемых ситуаций «методом проживания» в этих пространствах и развивающего рефлексирования над этим процессом.

Таким образом, представленные парадигмальные закономерности являются наиболее масштабными макроуровневыми закономерностями в развитии и социокультуре, и архитектуры. В противоположность широкой методологической трактовке понятия «парадигма» и конвенционального подхода к природе парадигм, предложенное онтологическое видение исходит из деятельностно-продуктивной природы не только парадигм, но и всего социального. Такой подход отражает макро-динамику социального содержания, представляющую смену, прежде всего, такого фундаментального для бытия условия как «ведущий способ производства». Полученные макро-парадигмальные закономерности можно рассматривать своего рода «ориентирами», «направляющими» поисковые процессы, и при исследовании истории, и при моделировании ситуаций будущего, и повышающими социальную эффективность.

Литература:

1. Миронов Г.Ф. Научно-исследовательская практика: Философско-методологический анализ / Г.Ф. Миронов. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. - 129 с.
2. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А.Камю А.: Пер. с фр. - М.: Политиздат, 1990. - 415 с.
3. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / А.В. Лекторский. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 256 с.
4. Метленков Н.Ф. Парадигмальность в архитектуре / Н.Ф. Метленков // Архитектура и строительство России, 2011. - №3. - С. 2-13.
5. Иванов К.А. Архитектура и общество: автореф. дис. докт. архитект. - М., 1967. - 36 с.

6. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество: Пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. - М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига». - СПб: Terra Fantastica, 2004. - 602 с.
7. Киссель М.А. Судьба старой дилеммы / М.А. Киссель. - М., 1974. - С. 118.
8. Пуанкаре А. О науке: Пер. с фр. / Под ред. Л.С. Понтрягина. - 2-е изд., стер. - М.: Наука. Гл. ред., физ.-мат. лит., 1990. - С. 106.
9. Гегель. Сочинения с 14-ти т., Том I. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. - М.-Л.: Государственное издательство политической литературы, 1929. - С. 184.
10. Маркс, К. Собрание сочинений: в 50-ти т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. - 2-е изд. - М.: Прогресс, 1984. - Т.1. - С. 229.
11. Степин, В. С. Философия науки. Общие проблемы: [микроформа] учебник для системы послевуз. проф. образования / В.С. Степин. - М.: Гадарика, 2006. - 382 с.
12. Салливен Л.Г. Мастера архитектуры об архитектуре. - М.: «Искусство», 1972. - С. 34-61.
13. Лежава И.Г. Лежава И. Г. Функция и структура формы в архитектуре: автореф. дисс. ... д-ра. архитектуры / Лежава Илья Георгиевич. - М., 1987. - 52 с.
14. Лехари К.Э. Организация архитектурного пространства как эстетическая проблема. Автореф. дисс.... канд. филос. наук. - М., 1972. - 24 с.
15. Фромм Э. Человек для себя. - М.: Изд-во В. П. Ильина, 1997. - 416 с.
16. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. - 512 с.
17. Землянский, Ф.М. Структура и симметрия: Материалы для спецкурса / Ф.М. Землянский. - Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ин-та, 1974. - С.122.
18. Маркс К. Собрание сочинений: в 50-ти т. / К. Маркс, Ф.Энгельс. - 2-е изд. - М.: Прогресс, 1984. - Т.4. - С. 8.

Рецензент: доктор архитектуры, профессор Муксинов Р.М.